

Г. А. Гаджиев¹

О ЮРИДИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ «ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК»

1. Известное утверждение Редьярда Киплинга служит хорошим поводом для обсуждения важных в настоящее время вопросов: «Что такое национальные традиции? Является ли национальной правовой традицией России активная позиция государств и социального начала, которое ослабляет индивидуальную автономию человека?». Рассуждая об этом, неизбежно оказываешься в том сегменте науки конституционного права, который я называю конституционной этикой и который является пограничным не только для права, но и для этики и социальной философии, поскольку приходится оценивать соотношение патернализма государства, иногда порождающего иждивенчество и ослабление индивидуальной автономии с ее самостоятельностью и инициативой.

Здесь полезно вспомнить высказывание Оскара Уайльда, сравнившего сознание человека с магнитной стрелкой, которая постоянно находится в поле тяготения мощных магнитов. Одним из них, возможно, являются национальные традиции. Поэтому, оценивая их, не следует забывать о ценности автономии личности,

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

ее независимости от разных полей тяготения, -измов, будь то либерализм или консерватизм. Особенно независимость мышления необходима ученым, для которых когнитивная независимость является условием их профессиональной деятельности. Поэтому защищаемая нашей Конституцией академическая свобода является важнейшим профессиональным конституционным правом, как и право на свободу экономической деятельности для предпринимателей.

2. Полагаю, что утверждение Киплинга является верным, если исходить из того, что в мире сложились две разные точки зрения на то, как должны разрешаться основные социальные конфликты. Одним из главных является конфликт между экономически преуспевающими слоями общества и теми, кто нуждается в помощи общества. Эта помощь может предоставляться за счет того, что у экономически активных граждан изымается часть их доходов, которая путем перераспределительных операций поступает несамодостаточным членам общества в виде пенсий, пособий, льгот, компенсаций. Суть проблемы проста: должно ли государство исполнять некий моральный долг в отношении тех, кто в этом нуждается, и в каком объеме? Моральные категории по-разному трансформируются в экономическую и социальную политику на Западе и Востоке.

Восток славится своим трепетным отношением к старшему поколению. На Дальнем Востоке, в Китае, даже нет пенсионной системы, так как обязанность детей по содержанию родителей исключает институт социального призрения. Идея социального государства популярна в Европе, России, Латинской Америке. За-

пад относится более настороженно ко всему социальному, хотя программы Обамы по развитию медицины в США делают антитезу «Запад–Восток» менее контрастной. На Западе высказывается ряд идей, препятствующих тому, чтобы утверждать, что Киплинг был неправ. В отличие от традиции восточных обществ, западные общества более эгоистичны и персонцентристски. В них на первый план выдвигаются индивидуальная автономия и детерминируемая ею *нейтральность* государства.

В Венгрии был принят закон, по которому (исходя из западной идеи индивидуальной автономии) людям старше 35 лет или имеющим троих и более биологических детей предписывается добровольная стерилизация. Конституционный суд страны признал эту норму неконституционной. Суд посчитал, что если у человека есть право на здоровье, то у государства возникает некий долг по защите тела человека, несмотря на то что он сознательно принял решение о стерилизации. Какими при этом границы сферы индивидуальной автономии, то есть самоопределения? Какая этика лучше — этика социального или этика себялюбия и персонцентризма? Этот вопрос исследовал еще Кант, именно ему принадлежит оценка эгоистического образа мысли человека как *этики себялюбия*. В XIX веке эти слова были «модернизированы», и стали рассуждать о «разумном эгоизме». Многие американские конституционалисты, к числу которых не относится профессор конституционного права Барак Обама, считают главной конституционной ценностью индивидуальную автономию.

Государства, которые, подобно Венгрии, не допускают добровольную стерилизацию, аборт, право на эвтаназию и так далее, не считаются нейтральными. Запад использует мощный аргумент: «Те, кто думает не так, как мы, — против нас».

Раскол по линии «Запад–Восток», который отчетливо прослеживается в разделении Римской империи на Восточную и Западную, не исчез и вряд ли исчезнет. Люди еще долго будут давать разные ответы на обсуждаемые вопросы — это и есть главный вызов (если вспомнить тематику Лихачевских чтений). Те, кто живет в разных странах, еще долго будут по-разному трактовать конституционный принцип, запрещающий обязательную или государственную идеологию. (Этот принцип, кстати, имеет отношение к идее нейтрального государства, которое должно быть равноудалено как от тех или иных предпринимательских структур, так и от тех или иных -измов.)

3. В прошлом году вышел сборник избранных работ Дмитрия Сергеевича Лихачева «Заметки о рус-

ском». На его последних страницах я нашел то, что давно искал, — в эссе «О русском и чужестранном» приводятся следующие строки: «У всякого народа есть свои достоинства и свои недостатки. На свои надо обращать внимание больше, чем на чужие». Простая истина. Попытаюсь воспроизвести ту же мысль, используя понятия права и философии.

Если в рассуждениях остановиться на констатации, которая вынесена в название («Запад есть Запад, Восток есть Восток»), то это непродуктивно и мало рационально. Главное — из утверждения Киплинга следует сделать прагматичный вывод. Как нерациональный и конфронтационный я воспринимаю вывод о том, что в мире надо отстаивать приоритет национальных традиций. Разные взгляды на решение основных социальных проблем могут быть у китайцев, американцев, индусов, бразильцев, у каждого народа свои национальные традиции. Нельзя навязывать другим свои национальные правовые традиции. Но это не означает, что, гордясь некоторыми из них (как, например, сформировавшейся в XX в. традицией общественного здравоохранения), мы не можем их пропагандировать. Как нельзя кичиться скромностью, так нельзя извлекать из национальных традиций конфликтный потенциал.

Народы, населяющие Землю, имеют разные традиции, но это не отменяет идею братства. Она закреплена в преамбуле российской Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, созная себя частью мирового сообщества...».

Диалог о национальных традициях полезен, если отказаться от категоричности суждений и не верить в свою непогрешимость. Надо признать, что человечество выработало разные формы человечности и, как следствие, разные точки зрения на устройство социальной жизни.

Человечество путем долгой культурной эволюции завоевало естественное право на самобытность каждого народа. Некий рационализм–прагматизм–индивидуализм западного общества не должен восприниматься враждебно, поскольку это результат их самобытной истории, социальной детерминации западной модели культуры.

Но это не означает, что мы должны старательно ее копировать. Из школьного курса по русской литературе мы помним, насколько вредно «слепое, рабское, тупое подражание».

«Конституционная этика Востока хуже, чем конституционная этика Запада?» — тот, кто задает такой вопрос, уже поступает аморально.